

*Посвящается Венди Шмальц:
я благодарна, что могу
назвать тебя своим агентом,
и еще больше благодарна за то,
что могу назвать тебя другом.*

*Одна — к печали,
Две — чтоб ты не скучал,
Три — к девчонке,
Четыре — к мальчонке,
Пять — к серебру,
Шесть — к золоту,
Семь — это к тайне,
О которой молчу.
Восемь — к желанью,
Девять — к свиданью,
Десятую птицу
Не упуцую.*

— Вариация детской считалочки «Одна — к печали», где говорится о сороках. Они считаются плохой приметой (и, скорее всего, не просто так).

Одна — к печали

ЗАПАХ ХЛОРКИ ВСЕГДА напоминал Сороке (которую на самом деле звали Маргарет Льюис) о лете, а лето, в свою очередь, напоминало о счастливых временах — тех самых, когда вся ее жизнь еще не пошла под откос. Прошлым летом сестра была дома, отец не изменял, мать не пила, а Сороку целых три месяца никто не трогал. Она все время валялась на водяном матрасе в форме пиццы в бассейне, а ее бывшая лучшая подруга Эллисон плавала рядом на белом лебеде. Теперь на лебеде полно порезов от лезвий, а пицца сдулась.

Сорока коснулась губами клапана матраса и дунула. На языке появился привкус химикатов, солнцезащитного крема, пота и огорчения. Она отстранилась и попыталась сплюнуть.

Кожу ладони покалывало там, куда попала хлорка. Сорока с телефона зашла в поисковик:

«Сдохну ли я от порошка хлорки на коже к чертям собачьим, ну пожалуйста» (к сожалению, ответ был «нет»). Она несколько минут подержала руку под струей из садового шланга. Вода была ледяной, и рука онемела, зато кожу больше не щипало. Сорока решила, что это к лучшему.

Она нашла в гараже старый насос для шин и вынесла его на задний двор, где и уселась на траву, скрестив ноги. Матрас-пицца выцвел после трех месяцев каждодневных заплывов прошлым летом. В том месте, где обычно лежала Сорока, узор был ярче — она пользовалась солнцезащитным кремом с SPF 50 и совсем не загорала.

В бассейн нельзя заходить сразу после добавления хлорки, но было 1 мая, а в Новой Англии стояла не по сезону сильная, почти июльская жара. Да и потом, Сорока едва касалась воды со своего места на матрасе. Будь она честна с собой, то призналась бы, как сильно надеялась, что бассейн, матрас или оба сразу подействуют как машина времени и перенесут ее назад, в тот день, когда душа была еще живой и не болела так сильно.

Сорока перекинула надутый матрас через край бассейна, по лестнице взобралась на узкую

приподнятую платформу и осторожно пересела на матрас. Она сняла с головы соломенную шляпу, положила ее на лицо и глубоко вдохнула запах хлорки, острый, как нашатырь, как удар под дых. Наверное, она переборщила с хлоркой, но за бассейном последний год не следили, и он позеленел от мха, грибка или чего-то еще.

«От ряски», — внезапно сказала она. Ее голос прозвучал так тихо, что остался в шляпе и на секунду отразился эхом. Сквозь щели в плетении Сорока видела солнце, голубое небо, деревья. До конца десятого класса оставался всего месяц, и она решила, приведя массу доказательств, что весь мир — это чья-то глупая шутка.

Но на солнце было хорошо. Матрас-пицца лениво плавал и мягко стучал о стенки бассейна, дул теплый ветерок, и Сорока на мгновение ощутила, как на нее робко нахлынуло умиротворение. Она опустила руку в бассейн и по запястье погрузила в прохладную воду, но потом вспомнила о свежей хлорке и вынула обратно.

В доме зазвонил телефон. Этот номер знала лишь горстка людей, и большинство из них были продавцами из телемагазинов. Она знала, что ее мать Энн-Мэри сейчас дома — уже напилась и смотрела телевизор, но телефон долго

звонил и затих без ответа. Энн-Мэри отключила автоответчик несколько месяцев назад, но отец Сороки по-прежнему звонил каждый день в шесть часов, ожидая, что кто-нибудь возьмет трубку. Сорока любила представлять, что бы он сказал, если бы мог оставить сообщение. Тихий молящий голос вытек бы из дома, прокрался по траве, вскарабкался на край бассейна и заплыл бы прямо в ухо Сороке.

Он бы сказал что-нибудь простое, например:

«Энн-Мэри, пожалуйста, перезвони. Прошу, поговори со мной. Пожалуйста, дай мне шанс объяснить».

А означало бы это что-то вроде:

«Энн-Мэри, прости, что наша дочь застала меня с твоей сестрой у нас в спальне полгода назад, когда ты навещала друзей за городом, а Сорока должна была находиться в школе, но вместо этого прогуляла третий урок, чтобы залезть в твой прикроватный столик за нашей травкой и накуриться вместе с Эллисон, а потом съесть четыре пакета картофельных чипсов со вкусом барбекю. Прости, что мы с твоей сестрой были голыми и долго стояли, глядя на дочь/племянницу, не зная, что сказать, и даже не додумавшись прикрыться. Как будто время

икнуло и застыло на месте, а мы втроем не могли понять, как это исправить и заставить его снова двигаться. Энн-Мэри, прости, что образ моего голого, полуэрегированного члена навсегда останется выжжен на внутренней стороне век нашей младшей дочери. Энн-Мэри, пожалуйста, перезвони. Прошу, поговори со мной. Пожалуйста, дай мне шанс объяснить».

Грохот в доме вывел Сороку из раздумий: Энн-Мэри кинула телефон об стенку, но это был очень старый аппарат, крепче всех известных человечеству, поэтому он непременно переживет такой незначительный пустяк. Сорока потом соберет его обратно, и весь этот спектакль повторится и завтра, и послезавтра, и снова, и снова, и так до бесконечности.

* * *

Сорока валялась на матрасе в бассейне, пока не зашло солнце, а мать не отключилась на диване рядом с громко работающим телевизором. Тогда Сорока вытерлась на платформе бассейна и зашла домой.

В доме на Пайн-стрит, где жили они с матерью, стояла темнота. Жалюзи были надежно закрыты, почти на каждом окне висели тяжелые

плотные шторы. Кондиционеры выдували затхлый, холодный воздух, от которого по коже пробегали мурашки, если подойти слишком близко.

Вот уже полгода она готовила себе однообразную еду, потому что еда ее вообще мало волновала. Нужно было лишь не потерять заметно в весе и не наслать на себя подозрения школьного психолога, у дочери которого отказали почки из-за медленного угасания от анорексии. Теперь психолог была одержима весом учеников средней школы города Далекый. Она постоянно бродила по коридорам и всматривалась в тела, ища выпирающие кости — ключицы и локти, на которых кожа натягивалась так, что становилась на три оттенка светлее обычного.

Сорока поставила кастрюлю на плиту и достала из шкафа коробку макарон с сыром. У них закончились молоко и масло, так что придется есть всухомятку, еще и сырный порошок слипся в комочки.

Она подошла и выключила звук на телевизоре. Энн-Мэри шумно сопела на диване: от громкого, прерывистого дыхания дрожали картины на стенах гостиной. На кофейном столике, чтобы можно было дотянуться рукой, стоял

высокий стакан со льдом и водкой, потому что водка похожа на воду, и они обе могут притвориться, что там *точно* вода. Сорока редко подходила к стакану, чтобы понюхать его содержимое, но чувствовала запах от матери, которая утром не приняла душ и источала из каждой поры чистый этанол. От этого у Сороки засвербило в носу еще сильнее, чем от хлорки.

Когда ужин был готов, она съела его стоя на кухне, прямо из кастрюли, единственным чистым прибором в доме — деревянной лопаткой, которой перемешивала еду. На вкус макарон напоминали картон, посыпанный сухими опилками, но это ее почему-то успокаивало: знакомый вкус, мелочь, на которую она могла положиться.

На обед Сорока каждый день покупала жирный бутерброд с жареным сыром и пакетик яблочного сока, а на завтрак иногда ела ложку-другую творога, если не забывала и если творог не зеленел от плесени.

Она уже давно не ела овощей.

Сорока открыла холодильник и нашла брокколи, покрытую настолько противным белым налетом, что сама брокколи едва

распознавалась — виднелось только крохотное зеленое пятнышко. Сорока решила ее не выбрасывать.

— Нет тут никаких овощей, — прошептала она, а затем захлопнула дверцу, оставляя голос внутри, чтобы он остыл.

* * *

Сорока всегда приходила в школу рано. На это было две причины: она хотела выйти из дома до того, как встанет мать, и добраться до своего шкафчика до того, как Эллисон подойдет к соседнему.

Девочка вытащила все учебники на день, чтобы не возвращаться к шкафчику раньше, чем через полчаса после последнего урока, не сталкиваться с Эллисон и гарантированно не видеть ее после школы. Рюкзак заметно скрипел под тяжестью книг, спина — под тяжестью рюкзака.

Сорока пришла на первый урок и обнаружила, что в кабинете английского, как и ожидалось, пусто. Она любила предсказуемость: ей нравилось, что мистер Джеймс каждый день приходил всего за пять минут до начала занятий, а значит, она пробудет одна в темной комнате сорок блаженных, тихих минут. Она села у окна в дальней

части класса, вытащила домашнее задание, которое должна была сделать на выходных, и невидящими глазами уставилась на учебную программу, пытаясь сосредоточиться.

Прочтите рассказ «Куда ты идешь, где ты была?» Джойс Кэрол Оутс. Ответьте на следующие вопросы:

Почему Конни уходит с Арнольдом Френдом?

Какое значение придается имени Арнольд Френд?

Какое значение придается тому, что Конни одержима расчесыванием волос?

Какой смысл кроется во всем?

Сорока прищурилась и снова перечитала четвертый вопрос. Он распался и преобразовался у нее на глазах во что-то более осмысленное.

Сорока не читала эту историю. Она достала из рюкзака учебник английского языка и открыла его.

Глаза отказывались видеть так, как надо.

Она не могла разобрать ни единого предложения.

Поэтому Сорока вытащила из рюкзака блокнот на спиральной пружине, веселый, желтый, резко контрастирующий с темным облаком, которое постоянно висело вокруг нее. Чернилами

в правом верхнем углу обложки было написано: «Город Близкий».

Блокнот был изношенным и потертым, желтая обложка выцвела и по краям облупилась до картона. Девочка писала в нем уже несколько месяцев, точнее, полгода — она начала его на следующее утро после того, как застала отца и тетю. Тогда Сорока и придумала город Близкий и, открыв первую страницу, написала: «*Жаль, что я не живу в другом месте. В крохотном идеальном уголке. Город бы назывался Близкий. Он был бы без людей, машин и шума. Просто зеленый широкий холм с яркой травой, почти как лайм*».

Теперь она открыла первую же пустую страницу где-то посередине, после тех, что были заполнены аккуратным мелким почерком, и написала:

В Близком всегда настолько тепло, что можно плавать.

В Близком я всегда чувствую себя так, словно плаваю.

В Близком вода теплая, как в ванне.

А потом она услышала, как кто-то поставил сумку на учительский стол. До урока оставалось